«Бесконечная дорога».
Антология польской поэзии для детей

Юлиан Тувим

Дети в поле

Дети бродят полем в мареве душистом –
зацветает клевер, шелестит овес.
И пасет корову, забавляясь свистом,
мальчик, за которым увязался пес.

А над ними солнце всё щедрей и гуще
заливает светом эти чудеса:
полевую тропку и детей идущих,
клевер и корову, мальчика и пса.

Данута Вавилов

Быстро!

Быстро, быстро, просыпайся!
Чисти зубы, умывайся!
Быстро, быстро, не зевай!
Быстро, быстро – стынет чай!
Быстро, быстро – папа ждет!
Торопись – трамвай идет!
Не вертись, как мелкий бес!
Быстро, времени в обрез!

Вечно времени в обрез!

Мне же хочется весь день
шляться в кепке набекрень,
три часа жевать котлету,
не менять пластинку эту,
сказки слушать, рот разинув,
и тянуть, тянуть резину,

время смело гнуть в дугу
на ромашковом лугу,
быть свободным, точно птица,
и вообще не торопиться!

Все б я делал долго-долго...
Да мешает чувство долга!

Ян Бжехва

Лентяй

У лентяя нет забот –
он весь день баклуши бьет.

Говорит лентяй: «Простите!
Нет забот, вы говорите?
А кто сидел на диване?
А кто подражал обезьяне?
А кто плевал в потолок?
А кто прогулял урок?
А кто не доел бульон?
Дел у меня – вагон!»

У лентяя нет забот –
он весь день баклуши бьет.

«Во-первых, смените тон!
А кто же считал ворон?
А кто потерял портфель?
А кто жевал карамель?
А кто ходил в туалет?
Забот, говорите, нет?»

У лентяя нет забот –
он весь день баклуши бьет.

Не сделал уроки – кому это надо?
Не выгулял таксу – сама виновата!

Не плавал в бассейне – ну что я, слабак?
Не выгладил брюки – сойдет, мол, и так!
Не мылся, поскольку пропала охота,
тем паче, что мокрая это работа.

Поесть собирался – тарелку смахнул.
Прилечь собирался – и в кресле уснул.
И снилось ему, что работает он...
Какой это был утомительный сон!

Иоанна Кульмова

Мечты

Я в школу иду по утрам, как в тюрьму,
хоть я не лентяй и учиться мне нравится.
Я в школу ходить не люблю потому,
что в ранец мечты мои не помещаются.

Порядки и правила в школе просты:
с мечтами здесь вход запрещен любому,
и даже под партой не спрячешь мечты,
поэтому я оставляю их дома.

Они там растут, и к исходу дня
им в нашей квартире становится тесно.
Вернусь – а они уже больше меня,
и где их искать, неизвестно.

Мартин Брыкчинский

Мел

Белый мел на перемене
пишет на доске:
«Разрушаю я свой гений
в грусти и тоске.
Заявил доцент филфака

мне, как на духу:
– Да у вас талант, однако,
к белому стиху!
Но поэтом я не стану,
не случится чудо:
ведь пишу я неустанно
под диктовку чью-то.
Мне себя не жалко, братцы,
счастлив я вполне,
только бы не исписаться
раньше срока мне.
Только б оценили дети
мой скрипучий труд,
прежде чем слова вот эти
тряпкою сотрут».

Иоанна Кульмова

Многоэтажки в цвету

Наконец-то весна,
что и синего моря свежей,
к нам в озябшую рощу высотных домов постучала.
И тогда – вот те на! –
на широких ветвях этажей
зацвели ясноглазые окна квартала.
Распускаются форточки,
двери,
сливаясь с пейзажем.
Расцветают высокие яблони
многоэтажек,
смотрит солнце на их разноцветный наряд,
набухают бутоны балконов сплошными рядами.
Весь квартал,
как от долгого сна пробудившийся сад,
пахнет небом и ветром,
дождями,
весной и цветами.

Тадеуш Кубяк

Казалось бы, облака

Глянь-ка, дружок,
в небесную высь
и хорошо к облакам
присмотрись.

Вот эти похожи
на лошадей.
Кто на них скачет?
Герой? Злодей?

Другие похожи
на город, но
кто в нем живет,
я забыл давно.

И есть еще третьи,
ты только взгляни –
на взбитые сливки
похожи они.

Ах, если б я знал,
как зовется тот,
кто с этими сливками
кофе пьет.

Но с севера буря
ветром дохнула,
нежные сливки,
как пену, сдула,

город спугнула,
а лошадей
лишь подстегнула
еще сильней.

Юлиан Тувим

Янек-мечтатель

Летней порой на зеленой поляне
разлегся и в небо уставился Янек.
Лежит и мечтает:
«Ну что за тоска!
Вот если бы белые облака
из крема творожного сделаны были,
радуга – из леденцов и ванили,
если бы тучи вдали над холмами
вдруг оказались бы пирогами,
если б халва и сладкая вата
в небе парили, а вместо заката
там розовел бы фруктовый зефир,
был бы прекрасен тогда этот мир!
Такое развеет любую скуку –
я бы лежал здесь в цветах полевых,
вверх то и дело протягивал руку,
ел бы
и лопал
за семерых!».

Ванда Хотомская

Бабочка

Сидел пожилой господин на лавочке,
как вдруг на газету ему села бабочка,
и недовольно сказал старичок:

– Ну, и какой с этой бабочки прок?
Кто сотворил тунеядку такую?
Не сделать, увы, из нее отбивную,
котлет не нажарить, и наверняка
она никогда не дает молока,
ульев не строит, не делает мед,

и, кажется, даже яиц не несет.
Да и вообще, она слишком заметная
и подозрительно разноцветная...

А рядом беседу вели два поэта,
прячась от солнца в густой тени,
и, ненароком услышав все это,
бабочке тихо шепнули они:

– Кабы на свете не было бабочек,
мы бы тебя сочинили играючи
и, не сочтя это даже за труд,
берегли б от таких зануд!

Данута Вавилов

Лужисты

С первых утренних минут
во дворе, от луж пятнистом,
прямо в луже спины гнут
работящие лужисты.

В деле обе пятерни
тут у каждого лужиста:
разгребли листву они –
вот и стала лужа чистой.

И, от радости светясь,
в бурой слякоти по шею,
два грязиста месят грязь,
рукавичек не жалея.

А когда замерзнет пруд
и повалит снег пушистый,
вмиг снежки лепить начнут
деловитые снежкисты.

Понедельник ли, суббота –

во дворе кипит работа!

Збигнев Херберт

Кот

Он весь черный, но хвост его мечет искры. Когда спит он под ярким солнцем, то кажется самой черной вещью на свете. Даже во сне он ловит испуганных мышек. Об этом легко догадаться по тому, как из мягких лапок выпускает он тонкие коготки. Он очень милый и злой. И срывает с деревьев птичек прежде, чем те созреют.

Янина Поразинская

По стремянке

На карнизе воробья увидел кот.
И, облизываясь, к лесенке идет.
Кот влезает
по стремянке,
по стремянке,
по стремянке...
На последнюю ступеньку он залез,
а воробушек взмыл в небо и исчез!

«Подожду, пока вернется воробей,
во дворе, за грудой кирпичей».
Кот слезает
по стремянке,
по стремянке,
по стремянке...
Оказался во дворе –
спрятался в большом ведре.

На карнизе снова птичку видит кот.
Снова к лесенке он, крадучись, идет.
Кот влезает
по стремянке,

по стремянке,
по стремянке...
На последнюю ступеньку он залез,
а воробушек взмыл в небо и исчез!

«Подожду, пока вернется воробей,
во дворе, за грудой кирпичей».
Кот слезает
по стремянке,
по стремянке,
по стремянке...
Оказался во дворе –
спрятался в большом ведре.

На карнизе снова птичку видит кот.
Снова к лесенке он, крадучись, идет.
Кот влезает
по стремянке,
по стремянке,
по стремянке...

Ханна Янушевская

Львы

Когда я бываю зол и суров,
и едва не машу кулаками,
мне хочется встретить десяток львов
с гривами и клыками.

Хлопнул бы дверью я что есть сил,
не в силах сносить упреки,
вышел бы из дому, вдаль поспешил,
а львы бы крались вдоль дороги.

Мы шли бы и шли, не глядя назад,
взъерошены и строптивы,
и я бы смотрел, как в траве блестят
их золотые гривы.

Туда, где льнет горизонт к облакам,
вела б нас обида злая,
и шел бы я в центре, а львы – по бокам,
рыча и к земле припадая.

До самого вечера шли бы мы,
за солнцем шагая смело
через леса, поля и холмы,
пока бы оно не село.

И тут эти львы, завершив свой путь,
вскочили бы в небо дружно,
и каждый улегся бы, чтоб уснуть
среди облаков жемчужных.

Исчезли бы вместе с солнцем они,
зажглась бы звезд вереница,
а я поглядел бы на их огни
и вдруг перестал бы злиться.

Домой бы вернулся, и мама тогда
сказала бы: – Наконец-то!
С этими львами одна беда!
Не нахожу себе места...

– Но как ты узнала про львов?
– Пустяк, –
ответит она. – Право слово,
я тоже ведь злюсь иногда, да так,
что льва повстречать готова!

Ванда Хотомская

Если б пантеры ели эклеры

Если б пантеры ели эклеры,
было бы меньше проблем:
глотали б пантеры

эклеры без меры,
а мяса не ели совсем.

Изумительные были бы манеры
у любой без исключения пантеры!

Пригласила бы она в кино
жирафа,
и жевала б там эклеры
величаво.

Или, будучи общительной
особой,
под эклеры бы болтала
с антилопой.

А на ужин заглянула бы
к газели,
и хозяева бы вмиг
повеселели.

И все бы любили пантер
и ставили их в пример
хулигану и лоботрясу,
если б пантеры
ели эклеры
и вовсе не ели мяса.

Да только вот звери эти
отнюдь не сидят на диете –
у них аппетит такой,
что способны пантеры
все на свете эклеры
слопать за день-другой.

В магазинах появились бы плакаты:
«Эклеров нет. Пантеры виноваты!»

Человек в очередях
разнообразных

за эклерами стоял бы
понапрасну

и, не выдержав подобных
экзекуций,
мог бы выйти из себя
и не вернуться.

А вернувшись, оказался бы
намного
агрессивнее любого
носорога.

За съеденные эклеры
растоптаны будут пантеры
в течение получаса,
если пантеры станут эклеры
есть на обед вместо мяса.

Данута Вавилов

Финики

Куда мои финики делись, ребята?
Я вышел, чтоб выгулять младшего брата.
Вернулся в компании младшего брата,
а фиников нет! Подевались куда-то!

Где мои финики, что за делишки?
Может, их слопали злые мартышки?
Влезли в окно, хохотали, галдели,
финики все до единого съели!

А эти мартышки куда потом сплыли?
Быть может, в крылатом автомобиле
примчался сюда героический кролик,
перепугавший мартышек до колик?

А кролик? Куда он отправился снова?

Быть может, его полюбила корова
и в результате в коляске мычат
двенадцать веселых коровокрольчат?

Куда же корова смогла испариться?
Она теперь в Кракове или в Легнице?
Когда ее в пятницу видели волки,
она для волос выбирала заколки.

Волки? Да нет, это были кони!
Один в разноцветном комбинезоне,
другой, говорящий на странном жаргоне,
висел, как привязанный, на телефоне!

Кому он звонил? А может быть, галке?
Да ну, у нее ни ума, ни смекалки!
Как и у сойки, сплошные «двойки»,
турнули из школы ее за шпаргалки!

Лучше мы спросим морскую свинку,
которая носит плащ и косынку,
а дедушка свинки носит ботинки
и финики мне покупает на рынке!

Где мои финики, спросим в итоге?
Может, едят их сейчас осьминоги
под фортепьяно на дне океана?
Или же слопали их носороги?

А вы? Признавайтесь, друзья, в самом деле,
может быть, вы мои финики съели?
Я не хочу быть похожим на жмота,
но вдруг это все-таки ваша работа?

Нет? Отчего ж у любого из вас
пальма растет на макушке сейчас?

Ян Бжехва

Утка-баламутка

Жила у реки одна утка –
чудачка и баламутка.

А чтоб ей не скучно было,
она на прогулки ходила.

Пошла она раз к парикмахеру:
«Взвесьте-ка мне кило сахару!»

Затем посетила юриста:
«Продайте мне сыра грамм триста!»

Потом завернула к доярке –
купить почтовые марки.

Ворчат остальные утки:
«Что за дурацкие шутки!»

Несла она яйца вкрутую,
капусту любила цветную,
и всех посбивала с толку,
однажды покрасив челку.

В газету статью написала –
и уткой газетной стала.

Хранила шнурки в буфете,
твердя, что это спагетти.
Вчера проглотила монету:
«Отдам, – говорит, – ближе к лету».

Брюзжали утки всё злее:
«Намылит ей кто-то шею!»

Но вышло гораздо хуже –
готовят чудачку на ужин.

Вот повар, исполнен сноровки,

испек нашу утку в духовке,

взглянул – и промок от рыданий:
не утка, а заяц в сметане!

Скандал получился жуткий.
Такие они, баламутки!

Юлиан Тувим

Загулявший соловей

Плачет пани Соловьиха, изнывает, тужит –
благоверный не явился к девяти на ужин.
Не опаздывал ни разу Соловей домой.
Скоро полночь. Что случилось? Где же ты, родной?

Все остыло: суп из мошек, полный витаминов,
комариное рагу с медом муравьиным,
фаршированные светом крылья стрекозы
и пирог с начинкой лунной к чаю из росы.

Может, где-то по дороге на него напали?
Звонкий голос отобрали, перья ощипали?
Это жаворонок с бандой – зависть, все понятно!
Перья вырастут, а голос не вернешь обратно.

Вдруг явился ненаглядный, баловень удачи.
«Где ты был? Куда летал ты? Я сижу тут, плачу!»
Соловей же знай щебечет: «Свет мой, не сердись!
Чудный вечер! Захотелось мне пешком пройтись...»

Тадеуш Ружевич

Превращения

Сынишка мой входит
и говорит мне:

«Ты будешь ястребом,
а я мышонком».

Я закрываю книгу,
у меня вырастают
крылья и когти,

их страшные тени
бегут по стенам.
Я теперь ястреб,
а он мышонок.

«Ты будешь волком
а я овечкой».
Я щелкаю пастью,
я волк голодный.
Оконные стекла,
словно клыки,
сверкают во мраке.

А он убегает к маме –
спасенный,
он голову прячет в тепле ее платья.

Збигнев Херберт

Лес

Тропинка бежит босиком прямо в лес. В лесу много-много деревьев, кукушка, Ясь и Малгося, маленькие зверушки. Вот только гномов там нет – ушли куда-то. А как только стемнеет, сова запирает лес большим тяжелым ключом, чтобы кот туда не пробрался и не устроил переполох.

Станислав Гроховяк

Колыбельная с месяцем

Месяц в небе почернелом

занят очень важным делом.

Месяц по лесу бредет,
переходит реку вброд.

Взявши с неба звезд лукошко,
месяц заглянул в окошко,

вот зашел к нам на порог,
Касю на ночь в щечку – чмок!

Янина Поразинская

Месяц задумался

Месяц задумался, встав возле дома:
«Кто занимает эти хоромы?
Крыша, смотрите-ка, из серебра!
Видно, что строили мастера».

Слышит в ответ: «Уже года четыре
Филя живет в этой славной квартире.
Весел лохматый хозяин и прост,
только немножко он... куцехвост».

Собственный дом –
далеко не шутка.
Пусть даже это собачья будка!

Збигнев Дмитроца

Кролик-меланхолик

Некий кролик-
меланхолик,
полуночник и лунатик,
накануне
полнолунья

взвинчен, как поэт-романтик.

Скромный кролик-
меланхолик
в полнолуние бесстрашен:
спать не хочет,
лишь топочет
по хребтам домов и башен.

В жизни этой
он вообще-то
очень вежлив, тих, спокоен.
Скажем прямо,
он не дама,
но и далеко не воин.

Он боится
хищной птицы,
злых людей, высоких лестниц,
но отвагой
бедолагу
наполняет полный месяц!

Пусть собаки
жаждут драки,
лаем надрываясь ночью:
храбрый кролик-
меланхолик
разорвать готов их в клочья.

Только вскоре,
точно море,
поутихнет его удаль,
гнев с экстазом
сгинут разом,
как пойдет Луна на убыль.

Снова кролик-
меланхолик
ходит смирный и несмелый.

В бой не рвется,
лишь трясется
он от страха месяц целый.

Михал Русинек

Астроном

Увидеть его было так непросто!
Спал он средь бела дня,
а ночью смотрел в телескоп на звезды,
на дальние вспышки огня.

Люди с утра на работу уходят,
а он ложится в кровать,
поэтому с ним о делах и погоде
нельзя было поболтать.

Однажды загадочную планету
открыл он – и сам не рад:
«Как рассказать о ней всему свету,
когда все на свете спят?»

Не зная, как быть с парадоксом этим,
всю ночь он рыдал навзрыд.
Утром стучатся к нему соседи,
а он уже крепко спит.

Владислав Броневский

Трамвай

Трамвай беззаботен и весел с утра,
когда на нем в школу спешит детвора.

Потом до полудня скучает трамвай,
хандрит – пассажиров ему подавай!

Зато уже в два я на улице слышу,
как мне он трезвонит: «Поехали, Збышек!

Ты только не прыгай в меня на ходу,
не то попадешь ненароком в беду!».

«Динь-динь!», – раздается опять у подъезда.
С трамваями тоже дружить интересно!

Юлиан Тувим

Паровоз

Стоит паровоз на перроне, вздыхая,
от пота блестит его туша стальная,
и масло стекает ручьями,
а он лишь поводит плечами.
Стоит и сопит, собирается с духом,
и ухает глухо
горячее брюхо:
Ух – очень жарко!
Чух – очень жарко!
Пуфф – очень жарко!
Уфф – очень жарко!
Полегче,
полегче –
дышать уже нечем,
но уголь в него кочегар так и мечет.
А тут и вагонов к нему подогнали –
тяжелых, больших, из железа и стали.
Но что там за толпы в каждом вагоне?
В первом – коровы,
в соседнем – кони,
а в третьем одни толстяки сидят,
жуют колбасу,
ветчину,
сервелат.
В четвертом стоит огромная пушка
и ждет, не начнется ли заварушка.

В пятом вагоне везут бананы,
в шестом – африканские барабаны,
и занимают седьмой вагон
два носорога,
жираф
и слон.
А рядом, из окон восьмого вагона
доносится сладкая трель саксофона,
и слышно ее тремстам поросятам,
которые едут в вагоне девятом.
Вот пару роялей и контрабас
в десятый вагон погрузили сейчас.
Но вам я, друзья,
сообщу для порядка,
что этих вагонов – четыре десятка,
и трудно сказать,
зная их габариты,
чем остальные вагоны набиты.
И если б явились три сотни атлетов,
и каждый атлет
съел по сотне котлет,
то даже атлеты,
напрягшись при этом,
такую громаду не сдвинули б, нет!
Вдруг – свист!
Вдруг – визг!
Пар – буууух!
Едем – уууух!

Сначала,
как в гору,
с трудом, понемногу
махина, пыхтя, покатила в дорогу,
по рельсам ползет, от натуги краснея.
Но крутит колесами все веселее!
Мелькая,
стальная
летит вереница,
гудит паровоз,
сломя голову, мчится,

со скоростью звука вагоны везет.
Куда же?
Куда же?
Куда же?
Вперед!
Минуя со свистом –
аж стонет земля –
мосты и тоннели, леса и поля,
спешит, задыхаясь, железная груда,
чтоб быть на вокзале минута в минуту,
почти уже путает выдох и вдох:
ту-дух,
тиби-дох,
тиби-дох,
тиби-дох!
Будто бы шар по бильярдному полю,
катит состав, не набегавшись вволю,
будто игрушечный он, не иначе,
будто бы это не поезд, а мячик.

Но кто же, но кто, напрягая все жилы,
торопит и гонит его, что есть силы,
шипя и бу-бухая с пылу да с жару?
Это заслуга горячего пара!
Пар из котла поступает по трубам,
поршнями двигает мощно и грубо,
а те под нажимом колеса толкают,
толкают –
работа у поршней такая!
И словно вовеки не зная износа,
вращаются в бешеном темпе колеса,
грохочут, стучат, надрываются в такт:
вот так-то,
вот так-то,
вот так-то,
вот так!

Игорь Сикирицкий

Орешек

Нашел как-то Яцек
в дубовой чаще
лесной орешек,
в траве лежащий.

«Ура! – воскликнул.
– Как раз к обеду
домой принесу я
подарок деду!»

Дедушка хлопнул
в ладоши, ликуя:
«Ах, до чего же
орехи люблю я!

Грызть их, родимых,
дорого-любо!»
Челюсти сжал –
и лишился зуба.

«Крепкий орешек,
чтоб его черти!
Но я так просто
не сдамся, поверьте.

Мы тоже, как водится,
сами с усами –
расколем орешек
стальными щипцами».

Устроился дедушка
в кресле, и тут же
сдавил он щипцами
орех непослушный,

осколки посыпались
градом сплошным:
щипцы – на кусочки,

орех невредим.

Молвил старик,
огорчен неуспехом:
«Хватит миндальничать
с этим орехом!

Мы к кузнецу
обратимся, и тот
молотом тяжким
орех разобьет».

Кузнец деревенский,
крепыш-старожил,
на наковальню
орех положил,

потом на него он
обрушил свой молот,
и тут же на части
был молот расколот!

Искры посыпались
градом сплошным:
вдребезги молот,
орех невредим.

Дедушка охнул:
«Однако... Ну, что же,
значит, кувалдой
ореху приложим.

Тут рядом Войцех,
на наше счастье,
камни кувалдой
колет на части».

Орех положив
на валун преогромный,
Войцех сказал:

«Парень я скромный,

но если кувалдой
я врежу ореху,
то будет ореху
уже не до смеха!

Вы на секунду
заткните-ка уши».
И на орешек
кувалду обрушил.

Пыль заклубилась
от края до края,
деду и внуку
глаза застилая,

когда ж улеглась она
мало-помалу,
такая пред ними
картина предстала:

камень раздроблен
ударом крутым,
кувалда разбита,
орех невредим.

Войцех смущенно
промолвил: «Признаться,
редко такое
случается, братцы.

С этих орехом
дело нечисто –
ищите-ка помощи
у тракториста.

В поле сегодня
кипит работа,
и Сташек раздавит

орешек в два счета».

Сташек взглянул
на орех свысока:
«Самое время
размяться слегка».

Между двух досок
орешек пристроил,
деда и внука, смеясь,
успокоил:

«В тракторе этом,
сказать честь по чести,
сил лошадиных
сто или двести!»

Въехал на доски
гигантом стальным:
дерево – в щепки,
орех невредим.

«Ладно, – промолвил
Сташек сердито, –
не обойдется тут
без динамита!

Вы появились здесь
в самую пору,
гляньте-ка: эту
скалистую гору

нынче хотят
динамитом взорвать,
чтобы река
повернула вспять».

На самой вершине
орех положили,
с обеих сторон

фитили подпалили,

взрыв тарарахнул,
стелется дым:
гора – на кусочки,
орех невредим.

Взрывная волна
унесла его прочь,
летит он над лесом,
как пуля точь-в-точь.

Упал на поляну –
лежит, безмятежен.
Но рыжая белка
схватила орешек,

потом на пенек
преспокойно присела
разгрызла его
и немедленно съела.

И улыбнулась:
«Вот так пожива –
орешек попался
мягкий на диво».

Эва Шельбург-Заремба

Каштаны

Ты надень пальто, сыночек,
и готовь карманы –
мы с тобою в парк пойдем,
собирать каштаны.

Там они, сорвавшись с веток,
на траве лежат,
так похожи на зеленых

маленьких ежат.

Кто их больше соберет?
Кто, мой милый мальчик,
сможет отыскать каштан
крупный, словно мячик?

Что получится из них –
овцы или кони?
У кого из нас грязней
окажутся ладони?

Кто умоет руки чище,
как придем домой?
Кто кого быстрей обнимет,
ненаглядный мой?

Анна Каменская

Пластилин

Поначалу, как причина всех причин,
появился в нашем доме пластилин.

Он лежал себе в коробке, только вот
чьи-то ручки его взяли в оборот,

и давай лепить животных небывалых
и людей, причем в количествах немалых.

Ближе к вечеру – ну, что за чертовщина! –
все в квартире стало вдруг из пластилина:

пластилиновыми стали стены каменные,
кресло, зеркало, буфет и платье мамино.

Не дозваться горе-скульптора на ужин –
залепил он пластелином свои уши!

Чеслав Янчарский

Чиним мишку

Кто медведю оторвал сегодня ухо?
Кто, скажите? А в ответ – как в танке, глухо.

Немота всех одолела да склероз.
Может, мишку переехал паровоз?

Может, с горки умудрился он свалиться?
Может, клюнула его большая птица?

Может, пес соседский мимо пробегал
и схватил медведя за ухо, нахал?

Не беда! Мы прекратим медвежьи муки,
коль возьмем иголку с ниткой в руки!

Вот теперь стоят торчком у мишки уши.
Весел, счастлив и здоров наш друг из плюша!

Владислав Броневский

Осенний ветер

Как-то раз осенний ветер
прогулялся по планете:
он свистел,
он грохотал,
ветки толстые ломал,
рвал кусты
и бил посуду,
побывал везде и всюду.

Возмутился темный лес:
«Ты зачем сюда полез?
Погулял бы лучше, что ли,

ты в ближайшем чистом поле».

Ветер пошумел – и в путь.
Не присев передохнуть,
рыщет,
с лужами скандалит,
свищет,
изгороди валит,
в двери ломится с разлета.
Тяжела его работа!

Наконец,
лишившись сил,
влез в трубу –
и как завыл!
В той трубе, не зная горя,
одинокий спал сверчок,
но проснулся он
и вскоре
сочинил такой стишок:

«Как-то раз осенний ветер
прогулялся по планете:
он свистел,
шумел,
дудел
и в трубе на радость детям
пел он песни, как умел».

Ян Бжехва

На прилавке

На прилавке в день базарный
слышен разговор престранный:

– Пан Шпинат, – сказала Мята, –
что-то нынче вы помятый.

– Это у меня мигрень.
Я лежу здесь третий день!

– Он несвежий, вот умора! –
грянул хохот Помидора.

К Репке так и льнет Укроп:
– Как ты, Репка? Все тип-топ?

– Все в порядке, – молвит Репка. –
Сплю, по крайней мере, крепко.

Вот с Петрушкой плохо дело –
снова на диету села.

– Мир жесток, –
вздохнул Чеснок.

Ссохшись от любовных мук,
к Свекле сватается Лук.

На его прямой вопрос
затыкает Свекла нос:

– Не сочтите за обиду,
замуж я за вас не выйду!

Кто бы ни связался с вами,
плачет горькими слезами!

– Мир жесток, –
вздохнул Чеснок.

Громко возмутилась Брокколи:
– Вас тут, милая, не много ли?

– Ты подвинуться изволь! –
отвечает ей Фасоль.

– Гляньте, снова потасовка! –

разрумянилась Морковка.

– Пусть рассудит нас Капуста!
– Да у ней мозгов не густо!

А Капуста:
– Что за кипиш?
Всех нас ждет печальный финиш:

станем мы кастрюлей супа.
Так что спорить просто глупо!

– Мир жесток, –
вздохнул Чеснок.

Константы Ильдефонс Галчинский

Почему огурец не поет?

Вопрос, безусловно, смелый.
А значит, любой малец
хотел бы понять, в чем дело,
почему не поет огурец?

Отчего не затянет песню?
Видно, таков закон:
молчит огурец, хоть тресни,
петь не умеет он.

А если запеть он хочет,
как птица, не мимо нот?
И, лежа в дубовой бочке,
зеленые слезы льет?

То лето мелькнет, то осень,
вот святки, в конце концов,
а нам безразличны вовсе
страдания огурцов.

Винценты Фабер

Читательница

– Кинга,
ты
глотаешь книги! –
говорят учителя.
Неужель
подруга наша
ест их,
словно кренделя?

Это значит,
что на ужин,
на десерт и на обед
ест она
литературу,
как заправский книгоед?

Заедает текст
обложкой?
Мажет маслом
переплет?
А без чтения
у Кинги
сводит голодом живот?

Что ж,
поскольку
при застолье
только крепнет аппетит,
пусть ходить
в библиотеку
Кинге мама запретит!

И вообще,
должно бы вызвать
интерес у докторов

то, что кто-то
смог за вечер
слопать пару островов,

океан
и трех пиратов,
книжный королевский флот...
Так она
родную Польшу
с интересом прожует!

Как-то были мы
в походе,
там продукты – дефицит.
А рюкзак
у нашей Кинги
был лишь книгами набит!

...Но в читальный зал
не надо
ставить грозных
часовых –
потому что книги
рады,
если мы
«глотаем» их.

Людвик Ежи Керн

Жираф у фотографа

К фотографу как-то явился жираф –
высок, элегантен и худощав.
– Кто здесь фотограф?
– Я, сударь мой!
– Красиво снимаете?
– Само собой!
– И много клиентов?
– Да просто не счесть!

– А есть у вас пленка?
– Конечно же, есть!
– Но я выше вас...
– Ничего, подстроюсь.
– А в полный рост снимете?
– Нет, только по пояс.
– А то, что ниже?
– Снимем отдельно.
– За ту же цену?
– За доплату сдельную.
– А целиком в объектив я не влезу?
– Нет, что вы.
– Ладно, давайте.
– Щелк!
Щелк!
Готово!
– А теперь?
– Теперь я склею два этих снимка, за пару минут всего-то,
и вручу вам большое, чудесное ваше фото.

Юлиан Тувим

Слон Хоботовский

Жил-был слон –
всем слонам эталон,
Богдан Хоботовский звали верзилу.
Был этот слон и здоров, и силен,
только вот память
его подводила.
Джунгли с утра сотрясал его топот,
был у слона выдающийся хобот,
белые бивни – слева и справа,
все в лучшем виде,
а память – дырява.

Друзей-слонов пригласил он в гости,
в карты сыграть, в домино и в кости.
Приходят, стучат:

– Открывай же, зёма! –
Молчание.
Нет Хоботовского дома.
Забыл и ушел!
А в прошлый четверг был он зван к крокодилу,
на чашку-другую воды из Нила.
Забыл, не пришел!

Есть у слона Хоботовского дети,
двое слонят,
самых лучших на свете.
Деток своих обожает наш слон,
только никак не запомнит имен.
Сына-проказника звать Белозубиком –
папа зовет его Тюбиком-Хлюпиком,
а дочку-красотку по имени Бася
он подзывает:
– Сюда, Контрабася!

Если при встрече представиться нужно,
память бывает и тут непослушна,
так что, знакомясь, Богдан Хоботовский
всем говорит:
– Я Болван Хлебосольский!

Тщетно пытался он на досуге
имя припомнить законной супруги,
и, рассердившись, слониха сказала:
– Сбрендил ты, кажется, мало-помалу!
Иди-ка ты к доктору – надо поправить
эту твою никудышную память!

Отправился слон и бродил до заката,
вместо врача навестил адвоката,
часовщика,
ювелира,
портного,
и всюду твердил он снова и снова:
– Я что-то хотел, а вот что – не пойму!
Напомните, шел я куда и к кому?

Так он блуждал, натрудив свои ноги,
и к кузнецу заглянул по дороге.
– Вас подковать? – засмеялся кузнец.
Тут и опомнился слон наконец!

Кузнец его осмотрел, послушал,
горло проверил, обследовал уши,
молотом стукнул в районе хвоста:
– Вылечу вас, – говорит, – без труда!
На хоботе вам завяжу узелок
да окачу вас водичкой разок! –
И тут же, являя сноровку и опыт,
узлом завязал Хоботовскому хобот!

Стрелой полетел Хоботовский домой.
Жена сразу в крик:
– Что ты сделал с собой?!
– Это на память!
– О чем? Где ты был?
– На память о том, что... Не знаю! Забыл!

Юзеф Чехович

Зима

Снег идет,
снег летит,
заметает крыши.
Стала улица белей,
а сугробы – выше.

В серебре стоит фонарь
со стальной осанкой.
«Дзинь-дзинь-дзинь», –
дребезжат
бубенцы на санках.

Снег идет,

снег летит,
снег белее мела.
«Скоро, скоро
Рождество!», –
слышно то и дело.

Через день,
через два,
распушив иголки,
встанут лесом густым
на базаре елки!

Ежи Фицовский

Иней

Как сделалось красиво во дворе:
на каждом дереве наряд из кружев,
сухие листья в белом серебре.
– Гляди-ка, иней, провозвестник стужи...
– Откуда этот иней взялся вдруг?
– Элементарно – ночью черно-синей
мороз ударил, и уже к утру
туман молочный превратился в иней.
Покрыл он лужи, изгородь, фонтан,
асфальт, кусты, скамейки возле школы...
– Я понял!
Иней – он и есть туман,
но только не простой, а порошковый!

Людвик Ежи Керн

Снег

Не сосчитать уже, сколько зим
я жду, чтобы снег оказался цветным:
к примеру, лиловым
или вишневым,

бордовым
или же
цвета
беж.

Вы только представьте такое дело:
стоит снеговик – но совсем не белый,
а бирюзовый
или зеленый,
пунцовый
или же
цвета
беж.

Летали б со свистом, как пули шальные,
в воздухе зимнем снежки цветные,
к примеру, лиловые
или вишневые,
бордовые
или же
цвета
беж.

Но все-таки нет никакой тут драмы,
что падает с неба все тот же самый
белый, белейший,
чистый, чистейший
мягкий
и свежий
снег.

Ежи Фицовский

Из-за мороза

– Ты морозы любишь?
– Вот уж дет!
Я борозы дедавижу просто!
От бороза людяб только вред:

щиплет дос (его не спрячешь, дос-то!),
уши – цвета черепичдых крыш,
да лице заберзшеб стыдут слезы...
– А чего так странно говоришь?
– Дасборк у бедя! Из-за бороза!

Константы Ильдефонс Галчинский

Кто придумал елки?

Дорогие ребята,
вы представьте – когда-то
вовсе не было елок на свете.
Горько плакали белка, кабан и олень,
загрустившему дятлу стучать стало лень,
и в слезах просыпались медведи.

Времена эти мрачные всем надоели –
что же это за жизнь, в самом деле?
Новый год – и без елки? Зарыдают и волки.
Оттого всякий раз в декабре
приходилось шуметь детворе:
– Нам нужны новогодние елки!

Как об стенку горох были эти слова,
но однажды, подумав, сказала сова:
– Больше так продолжаться не может!
Я устрою скандал на страницах газет,
потому что ведь елок как нет, так и нет!
Что мы скажем потом молодежи?

И действительно, сколько же можно, ей-ей,
отмечать Рождество без гирлянд и огней,
чтоб темно было всюду, как в бочке?
А без елок наш мир некрасив и суров –
ни сиянья, ни блеска, ни ярких шаров,
ни единой светящейся точки!

Но в избушке на ножках совиных, в глуши,

среди книжек, по зову свободной души,
жил один человек необычный.
Он вскочил и воскликнул:
– Спокойно, друзья!
Против скуки лекарство придумаю я
и спасу этот мир горемычный!

Написал пару строк – и уже, тут как тут,
из сугробов высокие ели растут,
зеленея не хуже, чем летом.
Потому что поэт по природе таков –
он мечты исполняет при помощи слов
(человек тот как раз был поэтом).

Это он научил, как подарки дарить,
как из пуговиц гному глаза смастерить,
превратить потолок в звездный купол,
как кораблики делать из старых газет,
а поскольку он был настоящий поэт,
то колядки он тоже придумал.

В суматохе морозных декабрьских дней
он открыл для нас чудо бенгальских огней
(золотая, скажу вам, идея!),
разноцветные свечи принес в каждый дом,
и теперь наши окна лучатся теплом
и блестят, как очки чародея.

Ну, теперь-то вы знаете, что за герой
взял да выдумал елки однажды зимой?
Не забудьте, ребята, об этом!
Повторите-ка хором: ИХ ВЫДУМАЛ ТОТ,
КТО В ИЗБУШКЕ НА НОЖКАХ СОВИНЫХ ЖИВЕТ
И КОГО НАЗЫВАЮТ ПОЭТОМ.

Ты на праздник в открытке ему напиши,
как весь год вспоминают о нем малыши,
как он нужен животным и людям.
Напиши и подумай с улыбкой о нем,
да и мы телеграмму поэту пошлем,

потому что мы все его любим.

Тадеуш Ружевич

Волосок поэта

Поэт –
это в наши дни раритет.
Слушайте голос поэта.
Пусть его голос
тонок, как волос,
как волосок Джульетты.

Коль волосок оборвется тот,
грустная наша планета
в пропасть бездонную
упадет
или заблудится где-то.

Бывает, на волоске одном
жизнь повисает...
Тише!
Голос поэта стал тем волоском.
Слышите?

Кто-то слышит...

Иоанна Кульмова

Бесконечная дорога

Дороги тянутся,
словно нити,
и пусть невозможен конец пути,
пора на дорогу долгую выйти,
чтобы по ней в никуда идти.

По бесконечной прийти дороге

в страну,
неизвестную никому,
не зная, куда занесли нас ноги,
и даже не ведая, почему.

Мы едем,
идем,
остановки – случайны,
вокзал за вокзалом, за годом – год.
Но что там дальше?
А это тайна.
Мы просто идем и идем вперед.

Послесловие

К кому обращается поэт (или поэтесса), когда пишет стихотворение «для детей»? Как правило – к ребенку в самом себе, к тому, кем сам был когда-то. Говорит с этим ребенком так, словно времени не существует. И происходит чудо: дама в пальто с меховым воротником сталкивается лицом к лицу с девочкой-подростком в летнем платьице, а пожилой господин с тростью вдруг видит перед собой карапуза, делающего первые шаги. Но время, разумеется, существует, и остановить его бег не дано никому. Без времени не было бы и самой жизни. Не было бы этой дороги и возможности идти по ней. Не было бы надежды, радости, дружбы – всего того, что мы встречаем на нашем пути.

Поэт беседует с ребенком в самом себе и приглашает к этому разговору других детей. Дети любят слушать необычные истории – скажем, о приключениях фантастических героев. Но дети любят и истории о них самих, о мире, который их окружает, о жизни, которой они живут. Именно так и действуют стихи, собранные в этой антологии – рассказывают о мире и о жизни. А также указывают путь. Ведь каждый из нас идет по какой-то дороге – своей собственной, и в то же время общей, деля ее с другими. И нам очень хочется знать, куда ведет эта дорога и почему мы на ней оказались.

Поэты – лучшие в мире спутники. Они следят, чтобы в дороге мы были начеку, подсказывают нужные слова, помогают думать и замечать не только очевидное. Поднимают тревогу, когда мы делаемся равнодушными и беспечными. Их сигналы негромкие, еле слышные. Их голос – как

утверждает опубликованный в этой антологии Тадеуш Ружевич – тонок, как волос. Но на этом волоске в каком-то смысле висит судьба всего мира.

Кто-то сказал: «Жаль, что я не учил на память стихи. Тогда в старости у меня было бы больше друзей». Стихотворение может стать – и уже является – нашим другом. Может быть, поэтому сегодня мы в первую очередь делимся стихами именно с детьми. Они-то отлично знают цену дружбе.

В эту антологию вошли стихи польских поэтов, написанные в течение нескольких последних десятилетий. Перед нами – ряд прославленных и менее известных имен. Отдельные стихи, собранные под одной обложкой, вместе создают образ дороги, пролегающей через польский язык и польский ландшафт, но становящейся универсальной дорогой, дорогой любого человека. Здесь нет отсылок к истории, хотя она очень важна для поляков, которые часто к ней обращаются. Скорее, здесь есть то, что составляет ее материю: конкретные человеческие судьбы, житейские радости и печали, восторги и разочарования.

Антология выходит в переводах на разные языки. Среди них особое место занимают языки тех народов, с которыми поляки жили и живут по-соседски, бок о бок. Но можно жить совсем рядом, и при этом – словно по разные стороны границы. Тот, кто помогает людям эту границу преодолеть, называется переводчиком. Наш мир тесно связан с языком, на котором мы говорим, а переводчик старается перенести частичку нашего мира в другой язык. Без переводчика все дороги обрывались бы там, где проходят государственные границы.

Дорога – это символ надежды, но и символ опасности. В наши неспокойные времена дорога скорее символизирует опасность, нежели надежду. Как это изменить? Поэты подсказывают: спроси у ребенка в себе, поговори с ним, может быть, он ответит. Голос поэта тонок, как волос. Но это вовсе не значит, что его не слышно. Я надеюсь, что эта антология хотя бы в какой-то степени поспособствует тому, чтобы голос поэта было лучше слышать.

Войцех Бонович